устаешь изумляться, Толстой со спокойнымъ сарказмомъ великана, легко опрокидывающаго дѣтскія сооруженія, не перестаетъ указывать всю ничтожность „Пфулевскаго“ ума передъ величіемъ, значительностью и *неисповѣдимостью* развертывающихся событій. Ходъ жизни и военныхъ дѣйствій ничего общаго не имѣетъ съ умствованіями Пфулей, Вейротеровъ, Миковъ и Шмидтовъ. Они убѣждены, что все дѣлается ими, что побѣды зависятъ отъ ихъ раціональныхъ плановъ, а пораженія оттого, что ихъ „не послушали“. А Ерошка-Толстой, какъ орелъ парящій въ неизмѣримой высотѣ надъ ними, показываетъ съ наглядностью ослѣпительной, что жизнь таинственна и непостижима въ своей сущности и всѣ результаты на поверхности ея зависятъ отъ какахъ-то творческихъ, неуловимыхъ и непередаваевыхъ движеній въ ея глубочайшихъ и скрытыхъ нѣдрахъ.

Эту противоположность между ограниченностью и самоувѣренной слѣпотой „ума“ и глубочайшей мудростью и зрячестью чего-то большаго, чѣмъ „умъ“, Толстой четко вырисовываетъ въ двухъ фигурахъ: Кутузовѣ и Наполеонѣ.

Наполеонъ безконечно ловче тяжеловѣсныхъ Пфулей. Но сущность ихъ одна и та же: то, что Пфуль или Вейротеръ думаютъ, то Наполеонъ *дѣлаетъ*, и дѣлаетъ легко, артистически. Какъ Пфуль и Вейротеръ, Наполеонъ увѣренъ, что событія европейскія, міровыя, повинуются *его волѣ*, которая господствуетъ надъ ними посредствомъ геніально-ловкаго *ума*. Но Толстой съ неумолимой силой и воочію показываетъ *иллюзію* Наполеоновской увѣренности, съ художественной документальностью уличаетъ его въ *театральности* и въ разыгрываніи натянутой на себя роли и, главное, саркастически демонстрируетъ, что умъ его только *ловокъ* и блеститъ фальшивымъ, *обманчивымъ* блескомъ.

Онъ приводитъ цѣликомъ ту диспозицію Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ, „про которую съ восторгомъ говорятъ французскіе историки и съ глубокимъ уваженіемъ другіе историки“.

„Диспозиція эта, весьма неясно и спутанно написанная, ежели позволить себѣ безъ религіознаго ужаса къ геніальности Наполеона относиться къ распоряженіямъ его, заключала въ себѣ четыре пункта, — четыре распоряженія. *Ни одно изъ этихъ распоряженій не могло быть и не было исполнено*“... „*Генералъ Кампанъ двинется*